

Д. Овсянко-Куликовского и идея А. Потебни про связь повседневного и художественного мышления.

Ключевые слова: индивидуальные психологические закономерности художника, художник-наблюдатель, художник-экспериментатор, субъективное/объективное психопоэтикальное изображение, «художник» и «моралист».

SUMMARY

Skliar I. O. The psychopathically understanding V. Pidmohil'nyi's individual artistic style (Part one)

The article continues the cycle of author publications, in that the problem of psychopoetics in the works of V. Pidmohil'nyi is illuminated.

In the basis of the analysis of the early stage of the writer's work is the concept of a psychological method of D. Ovsyaniko-Kulikovskiy and A. Potebnja's idea about the relationship of everyday and artistic thinking.

Key words: individual psychological patterns of the artist, the artist-observer, the artist-experimentalist, subjective/objective psychopathically representation, «the artist» and «moralist».

*Чень Чень Лин
(Киев)*

УДК 821.161.1

РАССКАЗ В ДЕТСКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX-го ВЕКА

Большинство исследователей сходятся во мнении, что детская проза начала активно развиваться с середины XVIII века, причём вплоть до начала следующего столетия создавались «полухудожественные» произведения, основной задачей которых было иллюстрирование новых знаний по различным наукам или поучение в приказной манере «что такое хорошо, что такое плохо». XIX век максимально приблизил художественный уровень детской прозы к лучшим образцам взрослой. В этот же период выяснилось, что наиболее продуктивными жанрами в детской прозе являются *литературная сказка* и

рассказ. При этом сказка чаще всего имела многие внешние (формальные) признаки рассказа: объём, количество персонажей, ряд композиционных особенностей и т. д. XX столетие подтвердило сформировавшиеся приоритеты; более того, в прошлом веке, особенно во второй его половине, появляются произведения, основой концептуально-композиционной структуры которых является именно рассказ, хотя жанровые определения их весьма разнообразны (повесть, роман, очерк и т. д.).

Популярность рассказа в детской прозе объясняется в первую очередь особенностями восприятия юными читателями художественного текста. Дети, вплоть до подросткового, а иногда даже юношеского (15–16 лет) возраста отдают предпочтение динамичному сюжету, основанному на минимуме событий, они не любят длинных описаний (в связи с чем портреты, пейзажи, интерьеры в рассказе, как правило, сведены к минимуму), а небольшое число героев помогает быстрее вникнуть в интригу и понять авторскую идею.

Жанр рассказа с успехом развивали многие писатели – как детские, так и «взрослые», создававшие произведения на детские темы: В. Гаршин, Л. Толстой, И. Тургенев, А. Чехов, А. Куприн, Л. Пантелеев, А. Гайдар, Н. Носов, В. Драгунский и многие другие.

Современная проблемно-тематическая классификация рассказов соответствует тем направлениям, которые традиционно выделяются в детской прозе на сегодняшний день. Исследователи выделяют рассказы *психологические* (*социально-психологические*), *приключенческие*, *юмористические*, *фантастические*, *научно-художественные* [см. об этом в работах: 3; 7]; при этом в одном произведении нередко сочетаются найти признаки нескольких жанровых разновидностей (последнее свойственно прежде всего детской прозе второй половины XX – начала XXI столетий).

В конце 50-х годов прошлого столетия, когда в детской прозе значительно активизировалось психологическое направление, жанр рассказа вышел на первый план [14] – особенно это было заметно в возрастной группе читателей от 5 до 12 лет. Прозанки, вошедшие в детскую литературу в этот

период: Ю. Яковлев, А. Алексин, Ю. Томин, Р. Погодин, В. Железников, Э. Шим, Н. Дубов и др., – опираясь на традиции взрослой психологической прозы (Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова) и достижения авторов первой половины XX века, детально анализировали процесс взросления юного человека, тончайшие движения души ребёнка, подростка.

Через анализ внутреннего мира юного человека писатели освещали важнейшие *социальные, нравственные, семейно-бытовые, философские проблемы* (хотя некоторые критики и полагают, что философские вопросы детей не касаются). Безусловно, вся проблематика детской прозы, особенно психологической, имела явный педагогический акцент, непосредственное художественное воплощение которого зависело от мировоззренческой позиции автора и его таланта. Кстати, все названные выше прозаики, появившиеся в годы «хрущевской оттепели», умели воплотить педагогические идеи в «обольстительной форме» (М. Горький).

Одна из самых острых тем детской прозы, и в первую очередь рассказа, – взаимоотношения детей и взрослых. Причём в детском мире взрослость имеет несколько иной смысл, чем у самих взрослых, так, для первоклассника десятиклассник – уже взрослый, для взрослого же – они оба дети. Рассказ, написанный талантливым автором, обладает свойством «молниеносного воздействия» (И. Мотышов) на читателя, что и необходимо юным. Неслучайно первый русский журнал для детей, который в XVIII веке редактировал Н. И. Новиков, назывался «Детское чтение для сердца и разума» (выделено мною. – Ч. Л.), так как затронуть *чувства* юных означало привести в действие и *разум*, заставить размышлять, анализировать, сопоставлять, делать выводы и под.

В 60-ые годы среди рассказчиков в русской детской прозе особенно выделились два автора: Юрий Яковлев и Радий Погодин. Причём Ю. Яковлев зарекомендовал себя прежде всего мастером конфликта, а Р. Погодин, как правило, выстраивал интригу на основе характера главного персонажа: в этом плане показательны произведения «Он убил мою собаку» Ю. Яковлева и «Что у

Сеньки было» Р. Погодина. Отец, который убил любимую собаку сына, создал не сиюминутный, а вечный конфликт, который навсегда разделит этих кровно родных, но нравственно антагонистичных людей. Этот конфликт рассчитан на дискуссию, на болезненное восприятие как детьми, так и взрослыми.

В рассказе Погодина интригу создаёт собственно образ центрального персонажа. Сенька – обычный необыкновенный ребенок, как определили бы педагоги, старшего дошкольного возраста. Он обладает многими типичными для его возраста чертами, но в то же время нередко выглядит большим оригиналом, по-своему осмысливающим жизнь и своей семьи, и своей деревни.

Наиболее заметные сборники рассказов 60 – 70-х годов («Собирающий облака» и «Разбуженный соловьями» Ю. Яковлева, «Кирпичные острова» Р. Погодина, «Ливень» Э. Шима) полностью отвечают требованиям детского читательского восприятия. Они затрагивают волнующие юных проблемы, реалистично интерпретируют взаимоотношения детского и взрослого мира в целом и отдельных представителей этих миров, отличаются чёткой, логичной композицией, динамичным сюжетом, достаточно прозрачной авторской позицией, что для детского рассказа чрезвычайно важно, потому что ребёнок, подросток воспринимает автора-рассказчика гораздо более конкретно, чем взрослый читатель.

Немаловажную роль в развитии жанра рассказа в детской прозе играет *юмористическое*, а вернее, в целом *комическое* в различных его проявлениях. С. Сивоконь в монографии «Весёлые наши друзья» утверждает, что наиболее продуктивные виды комизма в произведениях для детей таковы: комизм возраста, комизм характеров, логический комизм, комизм обстоятельств, комизм слова (речи) [13].

Все перечисленные виды комизма в различных комбинациях можно найти в рассказах для юных. Особенно важны *комизм возраста* и *комизм речи*, так как они универсальны и могут проявиться в рассказах любой тематики и жанровой разновидности. Другие виды комизма чаще встречаются непосредственно в прозе юмористической. Нередко комизм возраста и комизм

речи служат средством психологической характеристики. Поэтому прозаики-психологи включают комические элементы и в сюжеты своих очень серьёзных, даже драматичных (иногда на грани трагизма) произведений. А. Алексин, В. Железников, Ю. Яковлев, Ю. Томин, Р. Погодин очень гармонично соединяют остропроблемное содержание, детальный психологический анализ и различные приёмы создания комического эффекта.

Так, в цикле рассказов Р. Погодина «Откуда идут тучи» [12] автор даёт подробную характеристику образа центрального героя Коли Уральцева, семилетнего мальчика, волею случая оказавшегося на отдыхе в незнакомой деревне в доме чужой старухи Елизаветы Антоновны, используя комизм возраста – например, в эпизодах, когда Коля изображает из себя «несчастливого круглого сироту». Все восемь рассказов цикла основаны на серьёзной нравственно-философской проблематике и отличаются высоким воспитательным потенциалом, но комизм возраста и связанный с ним комизм речи абсолютно органичны в тексте.

Если говорить о классической психологической прозе для юных читателей, то жанр рассказа позволяет автору в небольшом объёме текста (часто гораздо меньшем, чем во взрослой литературе) создать характер. И. Лупанова, анализируя детскую литературу конца 50-х – начала 60-х годов прошлого века, пишет: «Идея воспитания жизнью, воодушевлявшая детскую литературу последнего десятилетия, нашла своё воплощение и в обращении к правде характера. Чрезвычайно существенным достижением современной детской книги оказывается обилие интересных детских индивидуальностей, оставляющих след в памяти и сердце читателя» [6, с. 513]. Писатели намеренно акцентируют внимание на событиях, казалось бы, обыденных, но нарушающих привычное существование юных героев, чтобы дать понять и персонажам, и читателям, как вести себя в «больших и малых противостояниях» (И. Лупанова).

Авторам рассказов очень важно стимулировать героев (а вместе с ними и читателей) не только прочувствовать, но и проанализировать жизненную

ситуацию, обретая при этом новый жизненно-нравственный опыт. Как правило, герои детских рассказов отличаются чувством обострённой справедливости, поэтическим видением мира, желанием активного добротворчества, романтическими порывами во взаимоотношениях со сверстниками и взрослыми. Перед прозаиками-рассказчиками стоит труднейшая задача – показать такие, одновременно типичные и необычные, характеры в условиях самой обыденной, повседневной действительности, конечно, если речь не идёт об экстремально-исторических событиях (революции, войны, детективные коллизии). Именно о сочетании в характерах юных исключительного и типичного размышляет И. Лупанова: «Они «обыкновенны», потому что все их душевные порывы – в масштабе возраста и проявляются в поступках, откорректированных возрастом. Но они и необыкновенны самой природой этих душевных движений, силой и благородством, направляющими их детские на вид поступки» [6, с. 585].

Особая проблема в процессе создания системы образов детской прозы – изображение взрослых. В русской детской литературе XX века в разные периоды её развития бытовали различные подходы к образам взрослых героев. В 20-е – начале 30-х годов, например, поощрялось критическое и даже снисходительно-недоброжелательное отношение и автора, и персонажей юного возраста к взрослым. Объяснение этому было предельно простым: чем старше человек, тем сильнее в нем влияние «проклятого прошлого». Поэтому в некоторых произведениях пионеры и даже октябрята воспитывали отцов и дедов, «помогали» им становится «новыми людьми». Некоторые педагоги, вопреки этой тенденции, уже с середины 30-х годов пытались доказывать необходимость сугубо положительной трактовки взрослых (особенно педагогов), разумеется, кроме врагов (шпионов, вредителей и под.). Эта идея оказалась достаточно живучей, её отголоски находим и в конце 50-х годов прошлого столетия.

В рассказе непросто создать характер любого героя; однако когда акцент сделан на образах юных, взрослым зачастую невозможно уделить достаточно

внимания; поэтому роль художественной детали, особенно речевой и поведенческой, становится принципиально важной.

Если рассматривать рассказ в детской прозе, то этот жанр в большей мере соответствует тем признакам, которые выделил В. Скобелев: *повышенная весомость факта, лежащего в основе сюжета; испытание героя посредством ситуации; заострение и концентрация противоречий; малый объём текста; одноплановость речевого стиля; одна сюжетная линия; одна проблема; простая пространственно-временная организация* [14].

Сформулированным В. Скобелевым критериям практически полностью соответствуют рассказы Р. Погодина, которые, будучи предельно простыми композиционно, чаще всего основываются на *обыденной необычности* события, составляющего основу сюжета, причём именно эта обыденная необычность как раз и становится испытанием для героя. Так, в рассказе «Как я с ним познакомился», объёмом чуть более двух страниц, рассказчик сталкивается с самой заурядной, с позиции взрослого, ситуацией – у мальчика лет восьми-девяти болит ухо. Но поведение маленького героя весьма странно для взрослого: «Я осторожно приоткрыл дверь и увидел: лежит на оттоманке тот самый мальчишка, что впустил меня в квартиру, кусает подушку, бьёт ногами по валику и горланит песню. А из глаз его бегут слёзы...

– Вот смешной! – начал было я. – Ухо болит, а ты поёшь. – Но мальчишка посмотрел на меня такими глазами, что я прикусил губу» [11, с. 6]. Заострение противоречий здесь достигается автобиографической параллелью: «Когда я был солдатом, у меня тоже однажды заболело ухо» [11, с. 6]. (Там же). Испытание героя посредством ситуации заинтриговывает юного читателя, и тогда уместным и выразительным приёмом оказывается риторический вопрос повествователя: «Что же это за мальчишка, который умеет петь в такие минуты, когда взрослые и те подчас плачут?..» [11, с. 7], который и существенно повышает экспрессию излагаемого, и одновременно служит ключом к постижению сути созданного персонажного образа.

Таким образом, *рассказ*, который из эпических жанров является, пожалуй, наиболее востребованным в читательской среде, не менее популярен и среди юных читателей. Однако теоретическое осмысление жанровой природы рассказа до сих пор находится преимущественно на дискуссионном уровне. Характеристика рассказа в основном базируется на сопоставлениях: *рассказ – новелла, рассказ – очерк, рассказ – повесть* и под. В работах И. Крамова, А. Нинова, А. Огнева, В. Скобелева, П. Ульяшова, Н. Александрова, Н. Лейдермана и М. Липовецкого [4; 9; 10; 14; 15; 1; 5] обозначены различные подходы к пониманию рассказа. Наиболее адекватной из литературоведческих осмыслений рассказа нам представляется позиция В. Скобелева, а из писательских размышлений – соображения В. Шукшина (подробнее см. об этом [2, с. 117]).

При этом, на наш взгляд, рассказ в детской и подростковой прозе в большей мере соответствует каноническим определениям теоретиков, нежели в эпосе для взрослого читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Н. «Я леплю из пластилина...» Заметки о современном рассказе / Н. Александров // Дружба народов. – 1995. – № 9. – С. 130 – 135.
2. Емельянов Л. И. Василий Шукшин: Очерк творчества : [монография] / Л. И. Емельянов. – Л.: Художественная литература, 1983. – 152 с.
3. Зубарева Е. Е. Несущие тягу земную: Очерки / Е. Е. Зубарева. – М.: Детская литература, 1980. – 192 с.
4. Крамов И. Н. В зеркале рассказа / И. Н. Крамов. – М.: Советский писатель, 1986. – 271 с.
5. Лейдерман Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М.: Академия, 2003. – Т. 2 : 1968-1990. – 688 с.

6. Лупанова И. П. Полвека: очерки [Текст] / И. П. Лупанова. – М.: Детская литература, 1969. – 672 с.
7. Мещерякова М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза второй половины XX века: проблемы поэтики / М. И. Мещерякова. – М.: Мегатрон, 1997. – 380 с.
8. Мотяшов И. П. Детская литература [Текст] / И. П. Мотяшов // Литературный энциклопедический словарь; [под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева]. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 91–95.
9. Нинов А. А. Современный рассказ. Из наблюдений за русской прозой (1956 – 1966) [Текст] / А. А. Нинов. – Л.: Художественная литература, 1969. – 288 с.
10. Огнев А. В. Русский советский рассказ 50–70 годов [Текст] / А. В. Огнев. – М.: Просвещение, 1978. – 208 с.
11. Погодин Р. П. Как я с ним познакомился [Текст] / Р. П. Погодин // Погодин Р. П. Повести и рассказы. – М.: Детская литература, 1974. – С. 5–7.
12. Погодин Р. П. Откуда идут тучи. Рассказы [Текст] / Р. Погодин. – Л.: Детская литература, 1973. – 65 с.
13. Сивоконь С. И. Весёлые наши друзья: очерки [Текст] / С. И. Сивоконь; [2-е изд.] – Москва: Детская литература, 1986. – 270 с.
14. Скобелев В. П. Поэтика рассказа [Текст] / В. П. Скобелев. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1982. – 155 с.
15. Ульяшов П. С. Этот неумирающий жанр (современный советский рассказ) / П. С. Ульяшов. – М.: Знание, 1987. – 112 с.

АНОТАЦІЯ

Чень Чень Лін. Розповідь у дитячій прозі другої половини XX-го століття

У статті аналізуються твори, що належать до жанру розповіді, які функціонують у дитячій прозі другої половини XX століття (переважно на

матеріалі творів Ю. Яковлева та Р. Погодіна). Автор інтерпретує твори, що створені для дітей, у співвідношенні із класифікаціями розповідей, які базуються на різних принципах, відзначаючи при цьому спільне та відмінне в розповідях для дорослих та юних читачів. У статті також зазначені основні прийоми, до яких звертаються автори з урахуванням сприйняття своїх читачів – дітей та підлітків.

Ключові слова: дитяча проза, епічні жанри, розповідь, психологізм, читачське сприйняття, композиція, система образів.

АННОТАЦІЯ

Чень Чень Лин. Рассказ в детской прозе второй половины XX-го века

В статье анализируются произведения, принадлежащие к жанру рассказа, которые функционируют в детской прозе второй половины XX столетия (преимущественно на материале произведений Ю. Яковлева и Р. Погодина). Автор интерпретирует созданные для детей произведения в соответствии с классификациями рассказов, базирующимися на разных принципах, отмечая при этом сходства и различия рассказов для взрослых и юных читателей. В статье также обозначены основные приёмы, к которым обращаются авторы с учётом восприятия своих читателей – детей и подростков.

Ключевые слова: детская проза, эпические жанры, рассказ, психологизм, читательское восприятие, композиция, система образов.

SUMMARY

Chen Chen Lin. Story in children's prose of the latter half of the XXth century

The article deals with the stories functioning in the children's prose of the latter half of the XXth century (mainly on the material of the stories by Yu. Yakovlev and R. Pogodin). The author interprets the stories for children according to the classifications of the stories based on various principles, and describes similarities and differences of the adults' and children's stories. The paper also outlines the key techniques used by the writers taking into account the perception of their readers – children and adolescents.

Key words: children's prose, epic genres, story, psychologism, reader's perception, composition, system of characters.

М. Ю. Шкуронат

(Артемовск)

УДК 82-95;821.111(73)

РОМАН ПЕРСИВАЛЯ ЭВЕРЕТТА «АМЕРИКАНСКАЯ ПУСТЫНЯ»:

ЭФФЕКТ ОБМАНУТОГО ЖАНРОВОГО ОЖИДАНИЯ

По оценкам американских критиков, творчество Персиваля Эверетта представляет собой заметное явление в литературном пространстве современной Америки. Отечественные литературоведы пока, насколько нам известно, серьезно не заинтересовались произведениями этого автора [3; 4]. Творческий багаж П. Эверетта характеризуется большим жанровым разнообразием. В нем насчитывается целый ряд произведений реалистической прозы – «Walk me to the Distance», «Cutting Lisa» и сборники рассказов, несколько вестернов «God's Country» и «Grand Canyon», мистический роман «Watershed», мистический детектив «Assumption», научно-фантастический готический роман-антиутопия «Zulus», эпистолярный роман-исследование истории афро-американцев «A History of the African-American People by Strom Thurmond», модернистский роман «Frenzy» – лирическая реинтерпретация греческого мифа, и откровенно постмодернистские «Глиф» и «Erasure» [12, с. 363-364], на данный момент всего около тридцати книг. Такое жанровое разнообразие однозначно говорит об активной творческой эволюции, которую можно было бы назвать непоследовательной по отношению к собственному творчеству, поскольку автор не развивается в определенном направлении, вместе с тем, он выразительно развивается в самых неожиданных, при этом настойчиво экспериментируя с формой. Творчество П. Эверетта озадачит тех исследователей, кто склонен к выявлению четких жанровых признаков и поиску ранее описанных моделей. Его сложно вписать в готовые рамки однозначных определений, он разрушает попытки объяснить его произведения